

С.Е. Адылханова*

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: ase280884@mail.ru)*

Этика на границе «Я» и «Другого»: сравнительный анализ моральных парадигм

В статье рассматривается «этика ответственности» как особый тип моральной теории, формирующий-ся на пересечении индивидуального существования и общения с Другим. В центре внимания — трансформация понимания морального субъекта в условиях кризиса универсалистских этических систем, таких как «этика долга» и «этика блага». Исследование акцентирует внимание на изменении философской онтологии субъекта: от автономного, замкнутого трансцендентального «Я» к открытому, коммуникативному и рефлексивному «Я», способному к самопреобразованию и принятию ответственности за уникальные, конкретные ситуации. Анализ опирается на идеи Э. Левинаса, П. Рикёра, Х. Йонаса, Ж.-П. Сартра и М. Бахтина, выявляя, что моральность в рамках «этики ответственности» не сводится к следованию норме или реализации блага, но представляет собой способ бытия, заданный отношением к Другому. Подчеркивается, что нравственный поступок в этом контексте требует не только осознанного выбора, но и внутренней силы — способности к активному действию в хрупком, неопределённом мире. В итоге статья демонстрирует, что «этика ответственности» представляет собой не просто новую нормативную модель, а радикальный поворот в понимании морали как экзистенциальной и коммуникативной практики.

Ключевые слова: этика ответственности, этика долга, этика блага, другой, моральный субъект, коммуникация, ответственность, реляционность, моральная парадигма.

Введение

В этической мысли последнего столетия всё более отчетливо проявляется тенденция к пересмотру основополагающих моральных теорий: особенно ярко эта тенденция выражена в XXI веке, когда ускорившиеся социальные и технологические изменения актуализировали необходимость новых подходов к моральному мышлению. Одним из таких подходов становится «этика ответственности» — специфический тип теории морали, претендующий на радикальную смену парадигмы, заданной классическими и постклассическими этическими учениями.

На протяжении веков этическая мысль развивалась в русле двух доминирующих направлений: «этики блага» и «этики долга». Первая фокусировалась на определении высшего блага и смысла жизни человека, вторая — на универсальных моральных обязательствах и правилах. Обе эти модели исходили из относительно стабильного представления о моральном субъекте: автономном, рациональном, способном действовать в соответствии с универсальными моральными нормами, однако в современном мире этот тип субъекта оказался под вопросом.

«Этика блага» как одно из важнейших направлений моральной философии имеет глубокие истоки, восходящие к Аристотелю [1]. Именно он задал фундаментальное понимание этики как учения о высшем благе и добродетелях — устойчивых качествах характера, способствующих достижению этого блага. Для Аристотеля благо неотделимо от целостного развития личности, реализации её природы через разумную и добродетельную жизнь. Эта установка стала отправной точкой для множества классических этических теорий, стремившихся определить, что есть «истинное благо» и каковы пути его достижения.

Со временем понятие «высшего блага» трансформировалось в более широкое понимание добра как цели морального действия, которое в таком контексте рассматривалось как стремление человека к добру — специфической форме блага, имеющей нравственную природу. Ценности, иерархии смыслов, добродетели — всё это составляло основу этики, формировавшейся в рамках традиционного общества, где моральные нормы были укоренены в культуре, религии и устойчивых общественных структурах.

* Автор-корреспондент. E-mail: ase280884@mail.ru

Однако устойчивость «этики блага» оказалась исторически ограниченной: пока доминировала традиционная нравственность, основанная на непререкаемых авторитетах и коллективной идентичности, «этика блага» оставалась безальтернативной, но с наступлением модерна, и особенно постмодерна, когда была поставлена под сомнение сама идея универсальных ценностей и моральной объективности, «этика блага» утратила свою объяснительную силу. В условиях индивидуализации, секуляризации и морального плюрализма утверждение о наличии одного «истинного» блага стало восприниматься как неоправданное и даже опасное упрощение.

Кантовская «этика долга» — вершина модернистской моральной философии [2]. В отличие от ориентированной на цели и ценности «этики блага», она строится на принципе безусловного должностования, где центральным элементом этой этики становится категорический императив, формулируемый разумом и обладающий универсальной обязательностью. Мораль, по Канту, — это не путь к счастью, а проявление автономии разума, выражающейся в способности субъекта быть законодателем самому себе. Так возникает фигура новоевропейского морального субъекта: автономного, рационального, отделённого от традиционных сообществ и культурных контекстов.

«Этика долга» явилась ответом на кризис традиционной морали, но со временем и она столкнулась с рядом ограничений. В условиях постмодернизации, характеризующейся утратой единого морального горизонта и ростом морального плюрализма, универсальность категорического императива начинает восприниматься как неоправданная абстракция, кроме того, абсолютность долга и рационализм как его основа всё чаще выглядят неадекватными в условиях моральной неопределённости, глобальной взаимозависимости и технологических вызовов.

В этом контексте всё большую актуальность приобретает «этика ответственности», которая, в отличие от этики блага, опирающейся на устойчивую иерархию ценностей, и этики долга, базирующейся на формальной нормативности, сосредотачивается на последствиях человеческих действий, на способности учитывать сложность мира, множественность акторов и долгосрочные эффекты. Эта этика отвечает на вызовы современности — экологический кризис, технологии с непредсказуемыми последствиями, социальные трансформации — требующие не столько следования нормам, сколько принятия на себя ответственности за всё более неопределённые и масштабные результаты человеческих поступков.

«Этика ответственности» представляет собой качественно новый тип моральной теории, который напрямую не отрицает ценности блага и долга, но выходит за их пределы, предлагая моральную модель, ориентированную на взаимозависимость, прогнозирование последствий и заботу о будущем. Её субъект — не только рациональный индивид, но и участник глобальных процессов, чья моральность проявляется в готовности брать ответственность за других, за общество, за планету. В этом смысле «этика ответственности» не просто новая этическая теория — это выражение новой антропологии, нового образа человека, вступающего в эпоху неопределённости и принципиальной комплексности. Она способна стать основой нравственной жизни современного человека именно потому, что учитывает исторические трансформации морали и меняющуюся природу самого морального субъекта.

Современные моральные вызовы — от экологических катастроф до биоинженерии и искусственного интеллекта — требуют переосмысления не только норм, но и самого носителя морали. Субъект морали сегодня часто оказывается не индивидом, а коллективом, корпорацией, государством или даже технологической системой, принимающей решения. В этом контексте традиционные категории «долга» и «блага» оказываются недостаточными для описания и регулирования новых форм моральной ответственности.

«Этика ответственности» выходит за пределы дуализма блага и долга, ориентируясь на учет последствий действий, особенно в долгосрочной перспективе. Её суть — в признании зависимости между поступком и его последствиями для других людей. Эта этика обращает внимание не только на намерение субъекта, но и на его способность предвидеть и принимать на себя ответственность за результаты своих решений.

Немецкий философ Ханс Йонас, один из первых сформулировавших принципы «этики ответственности», подчеркивал: в эпоху технологической мощи человек обязан действовать с учетом возможных катастрофических последствий своих вмешательств в природу и общество [3]. Его знаменитый императив — «Действуй так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с продолжением подлинной человеческой жизни на Земле» — становится актуальной формулой морали XXI века.

В рамках данной статьи был применён комплекс методов, соответствующий целям и задачам сравнительно-теоретического анализа этических концепций, а именно: а) герменевтический метод, позволивший выявить исходные смыслы, логическую структуру и нормативную направленность каждой из этических традиций в их историко-философском контексте; б) метод сравнительного анализа, способствующий выявлению различий и точек соприкосновения между тремя этическими теориями по ряду параметров; в) категориальный анализ, необходимый для систематизации ключевых понятий каждой этической теории; г) историко-философский метод, помогающий проследить генезис этических учений и выявить социокультурные условия их становления; д) аксиологический метод, используемый для анализа системы ценностей, лежащих в основе каждой этической модели.

Результаты

Проблема сравнения различных теорий морали остаётся методологически сложной задачей, прежде всего потому, что сами основания построения этической теории остаются во многом неосмысленными. Несмотря на многовековую историю этической мысли, лишь немногие исследователи по-настоящему задавались вопросами по типу:

- из каких элементов в принципе должна состоять любая теория морали?
- каким требованиям должна соответствовать моральная теория?
- какие вопросы моральная теория обязана ставить и разрешать?

На первый взгляд этика кажется областью, изобилующей теориями и концепциями, однако за внешним многообразием кроется методологическая фрагментарность, и этика на самом деле, как правило, заимствует свои принципы и категории из иных философских направлений — будь то онтология, гносеология или философская антропология, в результате чего возникает не столько система, сколько совокупность этических предложений, зачастую лишённых строгой категориальной основы.

Если следовать общенаучному определению теории как целостной модели объяснения и предсказания, то и теория морали должна стремиться к построению категориальной модели моральной реальности. Такая модель должна не только объяснять сущность морали, но и выявлять её отличия от других форм регуляции поведения, конструировать фигуру морального субъекта, а также предлагать программу морального действия, пригодную для применения в реальных жизненных обстоятельствах.

Сравнение этических концепций возможно лишь при наличии чётких методологических ориентиров. Теории морали — будь то «этика блага», «этика долга» или «этика ответственности» — должны оцениваться по тому, насколько успешно они выполняют следующие задачи:

1. Раскрытие сущности (значения) морали.
2. Обоснование её отличий от других форм социального регулирования.
3. Описание (концептуализация) субъекта морали.

Такая постановка вопроса позволяет не только выявить специфику каждой из теорий, но и определить её потенциал как практического инструмента нравственной жизни, именно в этом — в способности формировать эффективную стратегию поведения — заключается главный критерий состоятельности любой этической теории.

Мораль, как на уровне интуитивного восприятия, так и в рамках философского осмысления, традиционно связывается со способностью различать добро и зло, следовать первому и отвергать второе, однако то, что именно понимается под «добром», «злом» и основами морального выбора, в разные эпохи определялось по-разному. Современная моральная философия знает как минимум три крупных типа этических теорий: этика блага, этика долга и этика ответственности. Эти направления не просто предлагают различные ответы на вопрос о том, что есть мораль, но и строят свою аргументацию на различных категориальных основаниях.

Исторически первой формой этического мышления можно считать этику блага, в центре которой находится категория *ἀγαθόν*, то есть благо. Аристотель, рассуждая о добродетелях, определяет моральное поведение как то, что способствует достижению *эвдаймонии* — процветания, достойной и счастливой жизни [4], при этом добро здесь неотделимо от пользы, смысла и телоса (цели) человеческого бытия. Влияние мысли Аристотеля на последующие моральные теории было столь велико, что вплоть до XIX века понятия «добра» и «блага» в философских словарях трактовались как взаимосвя-

меняемые, и даже современная биоэтика, ориентируясь на принципы пользы, вреда и заботы, продолжает следовать логике этики блага.

В рамках неоплатонизма XX века (Э. Энском, А. Макинтайр) этика блага переформулируется в этику добродетели — концепцию, которая вновь поднимает вопрос о характере и внутренней целостности личности как основе моральных действий [5-6].

Второй крупный тип этических учений — этика долга — находит своё выражение в философии И. Канта. Здесь моральное поведение определяется не последствиями (полезностью или благом), а соответствием универсальному моральному закону, выраженному в категорическом императиве [7]. Категория «долг» — центральная для данной этики — утверждает безусловную обязанность субъекта действовать по правилам, которые могут быть признаны всеобщими.

Хотя понятие долга имеет древние корни и встречается в самых ранних правовых и религиозных текстах, лишь в эпоху модерна оно становится системообразующим элементом морали: именно Кант окончательно освобождает мораль от утилитаристских соображений пользы и делает её автономной сферой разума. Примечательно, что позднее и иные учения — стоицизм, христианская мораль, теория справедливости Ролза — начинают интерпретироваться (хоть и задним числом) как разновидности деонтологии (то есть этики долга) [8].

Поворотным моментом в развитии этической мысли XX века становится перенос фокуса с долга и блага на ответственность: эту трансформацию можно понимать как симптом изменения самой морали в условиях модернизирующегося и глобализирующегося мира. Ответственность, ранее считавшаяся лишь следствием морального действия, превращается в его предпосылку и критерий. Наиболее ярко эта трансформация выражена в концепции Ганса Йонаса, где мораль уже не сводится к индивидуальному поступку, но распространяется на потенциальные глобальные последствия, включая отношения к будущим поколениям и природе в целом [9].

Важно отметить, что категория ответственности исторически тесно связана с темой свободы, поскольку лишь в условиях подлинной личностной и социальной свободы человек способен осознать себя как ответственного субъекта — не только перед ближним, но и перед совокупным человечеством, что превращает этику ответственности в своего рода метаэтику, поскольку она вбирает в себя элементы этики долга (обязанность) и этики блага (забота), но подчиняет их принципу предвидения и учета последствий.

Три типа морали — этика блага, этика долга и этика ответственности — представляют собой не просто различные философские школы, а три логики морального мышления:

Этика блага направлена в сторону цели.

Этика долга — в сторону нормы.

Этика ответственности — в сторону последствий.

Их соотношение не следует понимать как взаимоисключающее: напротив, современное этическое мышление требует синтеза всех трёх подходов, однако в условиях стремительно меняющегося мира именно этика ответственности предлагает наиболее адекватную модель, способную охватить сложность новых моральных вызовов — от экологических катастроф до биоэтических дилемм и цифровых угроз.

На протяжении всей истории этической мысли человечество пыталось ответить на вопрос: что значит быть нравственным человеком? В рамках «этики блага» этот вопрос получает особое осмысление, где центральной фигурой становится не столько носитель универсальных обязанностей, сколько добродетельный гражданин — субъект, стремящийся к благу, живущий в согласии с социумом и собой. В отличие от современных деонтологических теорий, где нравственность отрывается от психологических и социальных мотиваций субъекта, у Аристотеля этический выбор — это всегда выбор уже добродетельного индивида, в чьей личности сплетаются разум, опыт и социальная практика. Особое значение в этом контексте имеет категория фронезис — практической мудрости, без которой даже разумный человек может остаться неспособным к нравственным поступкам, ведь фронезис позволяет не просто познавать абстрактное благо, но и реализовывать его в конкретных жизненных ситуациях. Получается, что добродетельность — это не механическое следование нормам, а глубокое, интуитивное и разумное стремление к благу.

Интересно, что моральность здесь не отделена от стремления к счастью, то есть в «этике блага» это стремление не воспринимается как эгоизм, напротив, счастье включает в себя дружбу, любовь, полноценную гражданскую жизнь, в общем — социальную реализацию, в которой индивид раскрывает свою нравственную природу. Моральный субъект «этики блага» — не аскет и не страдающий

герой, жертвующий собой ради абстрактного долга, а человек, чья личная добродетельность гармонично вписана в социальную ткань, и его стремление к благу — не индивидуалистический порыв, но отражение укорененности в жизни сообщества, в традициях, в культуре.

Появление фигуры автономного рационального субъекта в морали стало одним из величайших интеллектуальных достижений эпохи модерна, и наиболее полно эта фигура выражена в «этике долга» Иммануила Канта, в рамках которой моральное поведение перестает быть следствием традиции, привычки или социального давления, а становится выражением свободной воли, руководствующейся разумом и внутренними принципами. Иначе говоря, кантовский моральный субъект — это не просто человек, совершающий добрые поступки, а личность, способная к самозаконотворчеству. Быть нравственным в этом контексте значит поступать из долга, а не из склонности, симпатии или даже стремления к благу, то есть, в основе нравственного действия лежит принцип, осознанный и принятый личностью как всеобщий. Такой подход радикально отличается от традиционной морали, где индивид воспринимается как элемент социальной структуры и действует по установленным нормам. В этике Канта человек перестает быть «узлом» в сети социальных связей — он становится тем, кто эти связи творит заново, на основании разума и свободы воли.

Принцип универсальности разума — краеугольный камень этики долга, поскольку моральный закон, согласно Канту, должен быть применим ко всякому разумному существу, а потому исключает произвол, личный интерес или культурную специфику. Это утверждение равенства моральных субъектов происходит не из внешнего требования, а из внутренней способности каждого человека к рациональной аргументации и нравственной рефлексии. Таким образом, важной чертой кантовского морального субъекта становится его способность к построению непротиворечивой системы убеждений, ведь он не нуждается в одобрении извне, не ищет подтверждения своих поступков в религии, обществе или традиции, его действия мотивированы исключительно долгом. Можно сказать, что этика долга возвышает человека до морального законодателя — не в политическом, а в этическом смысле. При этом каждый поступок, совершаемый на основе всеобщего морального принципа, делает индивида частью идеального (а не реального) сообщества разумных существ (не обязательно только людей), где взаимное уважение и свобода составляют основу нравственного взаимодействия.

Словом, кантовский субъект этики долга — это личность, объединяющая в себе свободу, разум и ответственность, чья мораль не ситуативна, не завязана на личные интересы или культурные обычаи, но укоренена в универсальных принципах, которые он сам осознает, принимает и претворяет в жизнь.

В рамках концепции этики ответственности происходит переосмысление самого понятия субъекта: он более не мыслится как трансцендентальная, замкнутая, автономная структура, противопоставленная миру, а, напротив, полагается как существо открытое, уязвимое, включенное в ситуацию и обращенное к Другому. Сущностной чертой такого субъекта становится его могущество — не как доминирование, а как внутренняя способность отвечать вызовам мира, не отстраняясь, не бегством, но действием. Именно способность к поступку, к активному преобразованию реальности через ответственность отличает морального актора новой эпохи — это уже не субъект эпохи Просвещения, вооруженный единственно верной рациональностью, а личность, наделённая рефлексивной силой быть, понимать себя через отношения, через событие с Другими.

В современном мире, где человек существует в постоянно меняющемся контексте, идентичность обретает модульный характер, подвижность и способность к самопреобразованию. Это означает, что моральный субъект больше не равен самому себе раз и навсегда; он — результат встреч, событий, откликов, а его природа не замкнута в автономии, напротив, она разомкнута, чтобы человек мог выходить за границы себя, но не вертикально, к абстрактным трансцендентным началам, а горизонтально — к людям, к живому, к Другому. Это горизонтальное трансцендирование делает его существование незавершённым, временным, хрупким.

В мире, где больше нет вечных ценностей и универсальных моральных законов, нравственность становится способом быть — быть здесь и сейчас, быть в ситуации, быть в ответе, быть в таких условиях, когда уже не получится спрятаться за формулы, и остается только стать уязвимой, но деятельной точкой мира. Фундаментом такой этики становится забота — отклик на Другого, на его несовершенство, на зов близлежащего бытия. По мысли Э. Левинаса, субъект возникает только в момент ответа на запрос Другого [10]. С ним, хоть и диахронично, солидаризируется точка зрения М. Бахтина, полагавшего, что человек не может не быть вовлечённым в общение с Другим [11]. Выходит, что от-

ветственность — это не выбор, а условие самого человеческого существования, и в этом условии необходима не только доброта, но и сила — сила быть, сила отвечать, сила действовать.

Таким образом, субъект этики ответственности — это рефлексивная, могущая откликаться, сопереживать и действовать личность, существующая не ради универсального принципа, но ради конкретного живого другого (будь то человек или животное). Именно это делает его сущностно отличным от субъектов классических моделей морали: он не носитель нормы, а воплощение моральной событийности — живой, уязвимой, но способной реагировать и отвечать.

Обсуждение

Современный мир стремительно и радикально меняется — и вместе с ним меняются основания и формы морального сознания. В условиях, когда традиционные парадигмы этики — «этика блага» и «этика долга» — теряют свою объяснительную силу, всё более актуальной становится новая моральная перспектива, известная как «этика ответственности», и её появление не случайно: она возникает как ответ на уникальные социокультурные условия и вызовы XXI века, отражая новую ситуацию человека в мире.

Глобальность современного мира проявляется не только в экономике или технологиях, но прежде всего — в моральной взаимосвязанности. Ни одна проблема отныне не является локальной: экологический кризис, пандемия, военные конфликты, социальные катастрофы — всё это мгновенно выходит за пределы отдельных стран и регионов, а современный человек ощущает себя одновременно жертвой этих процессов и их источником, что требует от него новой формы моральной позиции — ответственности. Это уже не просто следование добродетели или моральному долгу, но осознание своей роли в сложной системе взаимозависимостей и готовность действовать на благо общего будущего.

Принципиальной особенностью «этики ответственности» становится отказ от идей преобразования мира по универсальным схемам, типичных для эпохи модерна, вместо этого на первый план выходит идея «исцеляющего действия», направленного на восстановление разрушенного, на заботу, сохранение и поддержку, то есть этика ответственности требует новой формы совместности — не омаскования через идеологию, а тонко структурированной солидарности, в которой ответственность разделяется и принимается каждым человеком в пределах его влияния.

Современный мир становится все более неустойчивым, и в этом мире, по мысли К. Ясперса [12], человек оказывается в ситуации, где прежние основания подвергаются крушению. Действительно, следует честно признать, что современность характеризуется многослойным кризисом — политическим, экологическим, технологическим, антропологическим (человечество стоит перед бездной, утратив устойчивые основания, на которых раньше строилось представление о мире).

Прежние категории, такие как прогресс, рациональность, универсальность, сегодня теряют статус самоочевидных, а на смену просветительской вере в линейное развитие приходит осознание хрупкости мира. Мы все яснее понимаем, что технологии не освобождают человека, а делают его более зависимым: искусственный интеллект, цифровой надзор, геополитические игры — каждый из перечисленных феноменов может стать триггером глобального кризиса.

В этой ситуации совсем неразумно предаваться беспросветному пессимизму, ведь кризис — это не столько конец, сколько новое начало, своего рода шанс для пробуждения подлинного существования. Когда привычные опоры рушатся, возникает возможность для сущностного переосмысления: что значит быть человеком? Что значит свобода, ответственность, событие с Другим?

Современная ситуация может спровоцировать рождение новой этики — не этики господства или подавления, а этики диалога и взаимного признания.

Если раньше окружающий мир воспринимался как дом, уютное пространство, в котором мораль могла покоиться на твёрдых основаниях (будь то «благо» или «долг»), то теперь это хаотичная и непредсказуемая среда, однако именно в этом хаосе рождается необходимость в новой морали, в способности человека брать на себя ответственность за свои действия в условиях неопределённости.

Дополнительным фактором, усиливающим потребность в «этике ответственности», стало развитие цифровых технологий, поскольку виртуальная реальность переплелась с материальной, изменив не только характер коммуникации между людьми, но и сами механизмы моральной регуляции. Этически теперь не только то, что происходит «вживую», но и то, что совершается в цифровом пространстве, поэтому всё более важной становится способность ориентироваться в этой гибридной реальности, где последствия виртуальных действий могут иметь вполне реальные эффекты.

Можно сказать, что «этика ответственности» возникает как особый тип теории морали, не просто альтернативный классическим моделям, но более адекватный нынешнему состоянию мира и человека. Она апеллирует не к абстрактному долгу и не к объективному благу, а к конкретной ситуации, к способности субъекта видеть последствия своих поступков и действовать в условиях моральной неопределённости. Это этика сложного мира — и одновременно этика зрелого, сознательного и социально вовлечённого человека.

Заключение

Сравнительный анализ «этики блага», «этики долга» и «этики ответственности» позволяет проследить не только эволюцию моральной мысли, но и глубокие изменения в самом положении человека в мире.

«Этика блага», корнящаяся в античной традиции, апеллирует к идее добродетельной жизни как пути к высшему благу.

«Этика долга», сформированная в эпоху модерна, акцентирует автономию разума и нормативную силу морального должностования.

Обе эти модели всё чаще оказываются недостаточными в условиях глобального общества риска, в котором человек существует сегодня.

На этом фоне «этика ответственности» выступает как новая теоретическая парадигма, способная адекватно отразить специфику современной моральной ситуации, так как учитывает неустойчивость мира, взаимозависимость действий, моральные риски и необходимость совместного, солидарного участия в решении глобальных проблем.

Резюмируя, скажем, что «этика ответственности» не отрицает ценности предшествующих моральных традиций, но перерастает их, предлагая более гибкий, ситуационно-чувствительный и человеко-ориентированный подход к морали, соответствующий вызовам XXI века.

Список литературы

- 1 Аристотель. Никомахова этика / Аристотель. — М.: Азбука, 2022. — 448 с.
- 2 Кант И. Основы метафизики нравственности / И. Кант. — М.: АСТ, 2023. — 384 с.
- 3 Йонас Г. Принцип ответственности / Г. Йонас. — М.: Айрис-Пресс, 2004. — 456 с.
- 4 Мельников С. А. Введение в философию Аристотеля: 8 лекций для проекта Магистерия / С.А. Мельников. — М.: Rosebud Publishing, 2018. — 246 с.
- 5 Anscombe G.E.M. Modern Moral Philosophy / G.E.M. Anscombe // Philosophy. — 1958. — Vol. 33, No. 124. — P. 1–19.
- 6 Макинтайр А. После добродетели / А. Макинтайр. — М.: Академический проект, 2000. — 384 с.
- 7 Кант И. Критика практического разума / И. Кант. — М.: АСТ, 2024. — 256 с.
- 8 Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — М.: Издательство ЛКИ, 2010. — 536 с.
- 9 Jonas H. Technik, Medizin und Ethik. Zur Praxis des Prinzips Verantwortung / H. Jonas. — Frankfurt. M.: Suhrkamp, 1985.
- 10 Левинас Э. Путь к Другому / Э. Левинас. — СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. — 240 с.
- 11 Бахтин М.М. К философии поступка. Собр. соч.: [в 7-ми т.] / Бахтин М.М. — М.: Русские словари, 2003. — Т. 1. — С. 7–68.
- 12 Ясперс К. Духовная ситуация времени / К. Ясперс. — М.: Республика, 1994. — 239 с.

С.Е. Адылханова

«Мен» және «басқа» шекарасындағы этика: моральдық парадигмаларды салыстырмалы талдау

Мақалада «жауапкершілік этикасы» жеке өмір мен басқалармен қарым-қатынастың қиылысында қалыптасатын моральдық теорияның ерекше түрі ретінде қарастырылады. «Міндет этикасы» және «жақсылық этикасы» сияқты әмбебап этикалық жүйелер дағдарысы жағдайында моральдық субъект туралы түсініктің өзгеруі басты назарда. Зерттеу субъектінің философиялық онтологиясының өзгеруіне баса назар аударды: автономды, тұйық трансцендентальды меннен ашық, коммуникативті және рефлексивті менге дейін, өзін-өзі өзгертуге және бірегей, нақты жағдайлар үшін жауапкершілікті қабылдауға қабілетті. Талдау Э. Левинас, П. Рикер, Х. Джонас, Дж.-П. Сартр және М. Бахтиннің идеяларына сүйене отырып, «жауапкершілік этикасы» шеңберіндегі мораль норманы ұстануға немесе

иілікті жүзеге асыруға байланысты емес, басқаға деген көзқараспен берілген болмыс тәсілі екенін анықтайды. Бұл тұрғыда моральдық әрекет тек саналы таңдауды ғана емес, сонымен бірге ішкі күшті — нәзік, белгісіз әлемде белсенді әрекет ету қабілетін қажет ететіндігі баса айтылады. Нәтижесінде мақала «жауапкершілік этикасы» тек жаңа нормативтік модель емес, моральды экзистенциалды және коммуникативті тәжірибе ретінде түсінудегі түбегейлі өзгеріс екенін көрсетеді.

Кілт сөздер: жауапкершілік этикасы, борыш этикасы, жақсылық этикасы, басқа, моральдық субъект, байланыс, жауапкершілік, реляция, моральдық парадигма.

S.E. Adylhanova

Ethics on the border of the “I” and the “Other”: a comparative analysis of moral paradigms

The article examines the “ethics of responsibility” as a special type of moral theory that is formed at the intersection of individual existence and communication with Others. The focus is on the transformation of the understanding of the moral subject in the context of the crisis of universalist ethical systems such as “ethics of duty” and “ethics of the good.” The research focuses on the change in the philosophical ontology of the subject: from an autonomous, closed transcendental Self to an open, communicative and reflective Self, capable of self-transformation and taking responsibility for unique, specific situations. The analysis is based on the ideas of E. Levinas, P. Ricoeur, H. Jonas, J.-P. Sartre and M. Bakhtin, revealing that morality within the framework of the “ethics of responsibility” is not limited to following a norm or realizing a good, but is a way of being determined by one’s attitude to Another. It is emphasized that a moral act in this context requires not only conscious choice, but also inner strength — the ability to actively act in a fragile, uncertain world. As a result, the article demonstrates that the “ethics of responsibility” is not just a new normative model, but a radical turn in the understanding of morality as an existential and communicative practice.

Keywords: ethics of responsibility, ethics of duty, ethics of good, Other, moral subject, communication, responsibility, relational, moral paradigm ethics of responsibility, ethics of duty, ethics of good, Other, moral subject, communication, responsibility, relational, moral paradigm.

References

- 1 Aristotle. (2022). *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow: Azbuka [in Russian].
- 2 Kant, I. (2023). *Osnovy metafiziki npravstvennosti* [Foundations of the Metaphysics of Morality]. Moscow: AST [in Russian].
- 3 Jonas G. (2004). *Printsip otvestvennosti* [The principle of responsibility]. Moscow: Airis-Press [in Russian].
- 4 Melnikov, S. A. (2018). *Vvedenie v filosofiiu Aristotelia: 8 lektsii dlia proekta Magisteriia* [Introduction to the philosophy of Aristotle: 8 lectures for the Magisterium project]. Moscow: Rosebud Publishing [in Russian].
- 5 Anscombe, G.E.M. (1958). Modern Moral Philosophy. *Philosophy*, 33, 124, 1–19.
- 6 MacIntyre, A. (2000). *Posle dobrodeteli* [After virtue]. Moscow: Akademicheskii proekt [in Russian].
- 7 Kant, I. (2024). *Kritika prakticheskogo razuma* [Critique of Practical Reason]. Moscow: AST [in Russian].
- 8 Rawls, J. (2010). *Teoriia spravedlivosti* [The theory of justice]. Moscow: Izdatelstvo LKI [in Russian].
- 9 Jonas, H. (1985). *Technik, Medizin und Ethik. Zur Praxis des Prinzips Verantwortung* [Technology, Medicine and Ethics — On the practice of the principle of responsibility]. Frankfurt. Moscow: Suhrkamp [in German].
- 10 Levinas, E. (2007). *Put k Drugomu* [The path to the Other]. St. Petersburg: Izdatelstvo Sankt-Peterburgskogo universiteta [in Russian].
- 11 Bakhtin, M.M. (2003). *K filosofii postupka* [Towards the philosophy of action]. (Vols. 1-7; Vol. 1). Moscow: Russkie slovari [in Russian].
- 12 Jaspers, K. (1994). *Dukhovnaia situatsiia vremeni* [The Spiritual Situation of Time]. Moscow: Respublika [in Russian].

Information about the authors

Adylhanova Samal — Doctoral Student, Philosophy program, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan, <https://orcid.org/0009-0007-2502-3531>